

КУЛЬТУРОЛОГИЯ CULTUROLOGY

УДК 2.1

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА ОБЩЕСТВА: СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ

Миненко Геннадий Николаевич, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры культурологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: antropolog-min@mail.ru

В работе раскрывается содержание понятия «духовная культура общества». С этой целью анализируется наиболее распространенный в отечественной научной литературе аксиологический подход к пониманию духовности и духовной культуры. Сопоставляется ситуация с их рефлексией на Западе и в России, фиксируется ее сходство, прежде всего, в отношении образовательного и воспитательно-образовательных процессов разных уровней. Автором используется нетрадиционный – инструментальный – подход к определению понятия духовной культуры общества, что дает возможность ее прагматологической интерпретации.

В теоретическом плане духовная культура трактуется посредством категории бесконечности мироздания и личности человека как основания доступной человеку формы трансцендирования. На этой платформе устанавливается соположенность духовности конфессионально-теистической, в частности, православно-христианской, с духовными компонентами светской культуры, транслируемыми фундаментальной наукой, философией, искусством.

В статье рассматриваются также теоретические и духовные основания реформирования современной педагогики, первично разработанные в эмиграции русским философом и богословом В. В. Зеньковским и получившие дальнейшее развитие в трудах отечественных мыслителей и ученых советского периода – С. Л. Рубинштейна, А. С. Арсеньева, А. В. Петровского и их последователей. Приводится также практически важная для образовательного сообщества духовно фундированная периодизация развития личности человека детского, подросткового и юношеского возраста.

В качестве значимого вывода приводится мысль о том, что духовная культура общества обладает имманентно-трансцендентной природой и включает в себя все религиозные, эзотерические, гуманитарные, художественные и научные практики, выводящие человека в надмирный горизонт.

Ключевые слова: духовная культура, духовно-нравственное образование и воспитание, бесконечность, христианство, ценности, истина, добро, красота, смысл.

SPIRITUAL CULTURE OF SOCIETY: CONTENT OF A CONCEPTS

Minenko Gennady Nikolaevich, Doctor of Culturology, Professor, Professor of Department of Culturology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: antropolog-min@mail.ru

The substance of the concept of “spiritual culture of society”. To this end, the most common analyses in domestic scientific literature axiological approach to understanding the spirituality and spiritual culture. The situation with their reflection in the West and in Russia is compared and its similarities are recorded, especially in relation to education and educational processes at various levels. The author uses an unconventional – tool – an approach to the definition of the spiritual culture of the society that allows its praxeological interpretation.

In theoretical terms, spiritual culture is treated as category of the universe infinity and the human personality as the basis of available human form of transcendence. The juxtaposition of religious and theistic spirituality is set on this platform, in particular, the Orthodox Christian, spiritual components of secular culture, transmitted by basic science, philosophy, art.

The article also discusses the theoretical and spiritual foundations of modern pedagogy reform, initially developed in exile by Russian philosopher and theologian Vladimir Zenkovsky and further elaborated in the works of Russian thinkers and scientists of the Soviet period – Rubinstein, A. Arsenyev, A. Petrovsky and their followers. We also give practical importance to the educational community of spiritual well-founded periodization of the development of human personality: infant, adolescent and young age.

As the implications of the findings given the idea that the spiritual culture of society has immanent-transcendent nature, and includes all religious, esoteric, humanitarian, artistic and scientific practices that present human transcendence horizon.

Keywords: spiritual culture, spiritual and moral education and upbringing, infinity, Christianity, values, truth, goodness, beauty, meaning.

Прежде всего, следует отметить, что в культурологическом плане духовная культура общества соположена с культурой материальной. Оба типа культуры охватывают тотальность, с одной стороны, материально-предметной реальности общества с ее доминирующей утилитарной функциональностью, с другой – объектов культуры с преобладанием символической функциональности. Такое различие не влечет за собой субстанциального противопоставления по причине отсутствия в культуре общества объектов как чисто духовных, лишенных признаков материальности, так и абсолютно материальных, не обладающих идеальной составляющей (см. [14, с. 179]).

Тема духовности, духовной культуры общества находится в настоящее время на пике популярности и востребованности. Нередко высказывается мнение, что в результате произошедшей в России в XX веке революции большевики и атеисты «перехватили» это понятие у религии и, прежде всего, православия – по принципу «хоть какая-то польза от религии». Но исторически это не совсем точно, поскольку «духовность» как феномен и понятие обрела в нашей стране тотальность именно в 1990-е годы после очередной государственной катастрофы и крушения – теперь уже социализма. Духовности придается значимость одного из ключевых факторов возрождения страны. Так, В. А. Лекторский в состоявшейся дискуссии о соотношении духовности, творчества и нравственности утверждает: «Я убежден в том, что если Россия не сможет вернуться к духовности, она погибнет как великая и неповторимая

культура, а значит, и как страна» [9, с. 35]. Еще более значимо то, что понятия «духовное», или «духовно-нравственное», образование и воспитание вошли как базовые семантические единицы в государственную образовательную программу с введением два года назад обязательной школьной дисциплины «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ).

Поставим вопрос: является ли такая популярность «духовности» специфичной лишь современной России? Ответ однозначный: нет! В фундаментальном двухтомном исследовании «Духовность. Формы, принципы, подходы» нидерландский теолог К. Ваайман прослеживает исторические перипетии употребления этого понятия и приходит к выводу, что на протяжении XVIII–XIX столетий оно неуклонно снижалось, сойдя на нет к концу XIX века, на что были свои причины. Зато в XX столетии, особенно в последние его десятилетия, наблюдался неуклонный рост популярности понятия духовности. Автор рассматривает в первой главе 54 формы (виды, движения, комплексы) духовности! Ситуация зеркально отражает процесс в современной России, близка также западная и отечественная терминология. В 1993 году Британский национальный совет по образованию опубликовал меморандум «Духовное и нравственное развитие», хотя такие документы появлялись и раньше. Принципиально подчеркнем, что в названном документе духовность не связывается с развитием религиозных убеждений учащихся, то есть она надконфессиональна (см. [3, с. 49–54]).

Определений духа и духовности, не связывающих себя однозначно с той или иной религиозной конфессией, великое множество. Приведу одно из самых поэтичных, принадлежащее Дэвиду Бому – великому физика, ученику А. Эйнштейна. На конференции в Праге в 1992 году «Наука, духовность и глобальный кризис: в направлении мира с будущим» он говорил: «Что есть дух? <...> Это невидимая сила ветра, приводящая в движение деревья. Дух мы можем мыслить как невидимую силу – жизнедающую сущность, глубоко захватывающую нас, или как источник, который приводит в движение все, действуя из глубин... Дух не очевиден, не проявлен, не манифестирован <...> Он трудноуловим, тонок и, следовательно, противоположен тому, что манифестировано <...> Невидимый и неуловимый, он, однако, имеет решающее значение» [2, с. 8, 9]. Красиво! Но как с ним «работать»? Кроме того, возникает вопрос, оправдано ли такое расширение смысла «духовности» в обществах христианского ареала цивилизаций, где исходным являлся догмат о Духе Святом как одном из Лиц Бога-Троицы, или, по крайней мере, о «духовном» как непременно связанном с Церковью как религиозным и социальным институтом (духовное образование, духовное лицо и т. п.)? Ответ не лежит на поверхности.

Поэтому духовность не является понятием, содержание которого самоочевидно. Существует значительное расхождение между христианским и светским пониманием духовности. Православно-христианская трактовка духовности, хотя она и не выражена в систематических ученых трудах, логична и понятна православным людям. Известный русский богослов, эмигрант Павел Евдокимов пишет: «Слово “духовный” отсылает к Святому Духу и указывает на уровень бытия, свойственный “рождению свыше”» [6, с. 25]. А профессор А. И. Осипов отмечает, что в свете православного мировоззрения разговоры о духовности беспредметны, если не признается существование святого Духа: «В абсолютном смысле духом является Бог... И согласно христианскому пониманию, духовен тот, кто наиболее уподобился Богу, то есть стал богоподобен» (цит. по [5, с. 88]). Существуют и современные, более основательные церковные разработки по

духовности, в качестве примера можно привести глубокие мысли протоиерея Александра Салтыкова относительно специфики православной духовности. Он выделяет такие черты православной духовности как ее центрированность на «феномене Образа», иконографический канон как соборный опыт Церкви, символичность духовности, а также ее связь с категорией духовного подвига, основанного на «трезвении ума» (см. [12, с. 83–86]).

Но как только мы обращаемся к светской традиции трактовки духовности, мы попадаем в мир мнений, которые сильно расходятся со сказанным. Например, у профессора В. Д. Шадрикова милосердие и сострадание как проявления духовности восходят к заботе об отдельных членах сообщества, свойственной еще членам животного стада предчеловека. Чаще всего духовность в светской традиции получает если не сугубо интеллектуальную, знаниевую, то, по крайней мере, морализаторскую или эстетизированную трактовку. Речь идет о традиционном сведении духовного к высшим ценностям человека, общества, культуры. Нет числа определениям духовности, даваемым в аксиологическом ракурсе. Возникает по-своему упорядоченная и, на первый взгляд, приемлемая конструкция. Ключевые категории, которые охватывают всю полноту духовного измерения человека и общества в таком подходе, это Истина, Добро, Красота. Об этом знали уже древние греки. Но сюда нужно включить также Святость и Смысл. Соответственно, это такие сферы культуры как: наука – мораль – искусство – религия – философия. Категориально это обобщила В. Г. Федотова, выделившая типы духовности: теоретизм, этизм, эстетизм и религиозность (см. [13]).

Таким образом, каждой связанной с духовностью области культуры соответствует своя сверхценность. Уязвимое место такой конструкции состоит в том, что до середины XIX столетия понятие ценности в прямом смысле слова не было известно ни древней (греко-римской), ни средневековой европейской культурам. Кроме того, не всякая наука или искусство, конвенциональная нерефлексивная мораль или даже религиозное верование несут в себе духовное – в смысле доброе, нравственное начало. Уже не говоря о том, что согласно христианской позиции духовность

может быть не только благодатной, но и «темной», злой силой. О «Духе зла» писали великие русские поэты, его изображали художники.

Нельзя не отметить в данном подходе такой признак, как символический язык, на котором представлены и транслируются в культуре высшие духовные ценности. Это действительно существенный момент, без которого эти ценности всего лишь «слова». Символизм в культуре – многосложное явление, на которое в связи с духовностью одной из первых в новейшей литературе обратила внимание в Е. В. Золотухина-Аболина (см. [8, с. 15–16]). Суть в том, что смыслы, транслируемые символом, не определены в своих границах, их объем не задан однозначно, поэтому смысл символов потенциально безграничен.

Несмотря на широкий поток публикаций и мероприятий о духовности – диссертации, статьи, книги, симпозиумы и конференции, – представляется справедливым критическое, можно сказать «отрезвляющее», замечание на этот счет известного культуролога А. Я. Флиера. Он считает, что современные гуманитарные и искусствоведческие исследования ограничены узкой методологической базой, чрезмерно привязаны к метафизическим категориям, типа «духовности» – «популярной, но абсолютно не операциональной с точки зрения научного познания категории...» [14, с. 75]. Но что означает «операциональность»? Исток понятий операциональности, инструментальности восходит еще к философии Д. Беркли, но основательно они были введены в употребление американским философом Д. Дьюи (1859–1952), который не признавал фактов как «чистых» данных. Комментаторы пишут о его позиции: «Ничто не дано иначе, как в отношении к идее или оперативному плану, что всегда можно зафиксировать символическими терминами... Операциональны и идеи, и факты. Идеи операциональны, ибо они по своей природе суть проекты вторжения в существующие условия. Факты как следствия организации и выбора тоже операциональны». И еще: «Важно, чтобы идеи не теряли связи с практикой, ибо идеи – логические или научные – всегда функции реальных проблем <...> Таким образом, смысл инструментализма таков: истина не в адекватности мышления бытию, скорее она “в надежности ведущей

идей”» [11, с. 327, 328]. Эти положения важны в контексте дальнейших рассуждений.

Если понятие духовности может и должно быть операциональным, то для какой области исследований или социальных практик оно имеет принципиальное значение? Современное православно-христианское богословие функционирует в рамках давно наработанного понятийного аппарата и не нуждается во введении новых смутных понятий. Соотношение, например, души и духа в психологической структуре человека в историческом и актуальном ракурсах рассматривается в традиционных терминах «дихотомия» и «трихотомия». Появляются убедительные, много проясняющие результаты, достигнутые, например, в работе философа А. Р. Фокина (см. [15]). Поэтому нам представляется, что в наибольшей мере в рефлексии понятия духовности и ее реально применимых результатах в современном российском обществе нуждаются образовательные структуры и педагогические практики. В них формально уже сейчас встроено «духовно-нравственное образование и воспитание» обучаемых. Но пока они теоретически и методически большей частью «безосновны» и действуют надежным «методом» проб и ошибок, за исключением учреждений, которые находятся под патронажем узкого слоя хорошо подготовленных православных педагогов, в частности, через Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет и доросшие до сопоставимого с ним уровня теологические образовательные учреждения.

Поэтому требуется концептуализация духовности. В связи с этим духовность, на наш взгляд, необходимо связать с представлением о бесконечности. В ранее опубликованных работах (см. [10, с. 85–114 и др.]) мы уже обращали внимание на роль категории бесконечности в европейской философии, науке и культуре Нового времени. В частности, было показано, что реально в мышлении европейцев функционировало понятие потенциальной, экстенсивной бесконечности, наглядным образом которой является пример Аристотеля с рядом натуральных чисел – никогда не завершимым! Понятие же актуальной, завершенной бесконечности, как качественной и интенсивной, вводится лишь тео-

логически и относится скорее к апофатическому (отрицательному) богословию. Немецкий теолог Фр. Шлейермахер (1768–1834), а вслед за ним переводчик его работы «Речи о религии» С. Л. Франк глубоко раскрыли роль интуиции бесконечности для всякого религиозного сознания. Поэтому, не вдаваясь в повторы и аргументацию, мы можем проецировать это положение не только на институционально оформленные конфессии, но и на любые духовно-религиозные феномены. Очевидно, что духовная культура шире понятия религиозной культуры. И мы, наконец, подходим к искомому – определению содержания понятия духовной культуры общества.

Все что размыкает точечное существование человека в бесконечный во времени, пространстве и качественных состояниях мир – то и обладает существенным признаком духовного. Отсюда: наука может быть сугубо прагматичной технонаукой, нацеленной на наращивание технической мощи человечества, что и происходило в последние десятилетия XX столетия и далее. Но она может быть и духовно-ангажированным занятием, как то было у великого И. Ньютона. Иначе говоря, духовное в культуре общества и в индивидуальном сознании – это манифестация реальности с точки зрения целого, которое уходит в бесконечность и для человека полностью непостижимо. О духовной составляющей каждой из пяти вышеназванных категорий и сфер культуры можно говорить отдельно, везде есть своя, не лежащая на поверхности специфика. Приведем, кажется, удачный пример. К. Ваайман отмечает факт проведения в 1994 году в Лондоне конгресса на тему «Образование, духовность и целостная детская личность», посвященный роли духовности в воспитании, обучении и образовании. Детская духовность связана, с точки зрения участника – Р. Коулса, – с вопросами о смерти, о жизни на земле и об окружающей среде. Нетрудно заключить: все три вопроса носят, по крайней мере, планетарный характер, размыкаются в бесконечность и вечность (см. [3, с. 50]).

Идея бесконечности как неотъемлемая компонента любого истинно-духовного опыта вошла в арсенал западной теологии и отечественной философии и богословия. Но вызывает удивление тот факт, что в западной новоевропейской

философской антропологии, в учениях о человеке его богоподобная бесконечность оказалась идеей слабо концептуализированной, по сути маргинальной и второстепенной. И заслуга всестороннего осмысления и развития принципа бесконечности человека, нужно прямо сказать, принадлежит именно русской философии конца XIX – первой трети XX столетий. Начинать нужно с основателя русской философской школы В. С. Соловьева. Принципиально же идею бесконечности личности во всех ее аспектах и следствиях развили такие мыслители, как Б. П. Вышеславцев, С. Л. Франк, Л. П. Карсавин. Каждый из них работал в этом направлении по-своему. Пальму первенства в смысле хронологии и диалектического искусства развития идеи следует отдать Б. П. Вышеславцеву (см. [4]).

Перестройку психологии в свете категории бесконечности человека основательно наметил в работе «Душа человека» С. Л. Франк (см. [16]). По близости к христианской догматике наиболее интересен Л. П. Карсавин. Но наиболее точные формулы для определения сущности феномена бесконечности в сопряжении с воспитанием и образованием детей и подростков предложил известный русской философ и теоретик педагогики Василий Васильевич Зеньковский (1882–1962). Подчеркивая основополагающее значение чувства бесконечности, он пишет: «Духовная жизнь в человеке есть непрестанное, неутомимое искание Бесконечности, и как раз этой его чертой оно сообщает человеку тот *élan spirituel*, который движет человека к Богу» [7, с. 150]. И еще: «Существенное и основное в духовной жизни заключается в искании Бесконечного и Абсолютного. Это искание есть самое основное и глубокое в нас, есть неистощимый и неистребимый источник вечной жизни, присущей духу <...> Из этого искания Абсолютного надо исходить... в раскрытии “тайны свободы”. Свобода онтологически возможна лишь потому, что душа сопряжена с Бесконечностью, что и освобождает ее от плена различным отдельным, временным влечениям. Эта обращенность души к Бесконечному, эта ненасытная жажда быть в нем, эта невозможность всецело уйти в что-либо частичное, временное – и есть основа свободы нашей, возвышающей нас над законом причинности, над порядком природы» [7, с. 50].

Зеньковский, пожалуй, является единственным, кто обратил внимание на возможность и необходимость выстраивания педагогики на основе категорий свободы и бесконечности личности. В перечисленном ряду мыслителей ему свойственны некоторые отличительные особенности. Прежде всего, это четкость формулировок в смысле соответствия восточно-христианскому богословию. Например, о том, что акцентирование бесконечности тварного мира ведет не к Богу, а к пантеизму и другие. Следует отметить также стилистическую и эстетическую законченность его формул, граничащих с поэтическим уровнем (например, выражение о присутствии человеку «томлении духа о бесконечности!»). В. В. Зеньковским во всей полноте была поставлена задача перехода русской педагогики от материалистического к христианскому пониманию человека. В своих работах, написанных в период руководства педагогическим кабинетом при Парижской Православной богословской академии, он исходил из тезиса, что кризис современной ему педагогики преодолевается пересмотром ее натуралистических положений и переводом теории и практики воспитания и образования на позиции христианского учения о человеке. В связи с этим отмечал: «Необходимо вернуться к христианской антропологии, чтобы в свете ее основных понятий осмыслить содержание педагогического опыта, накопленного за долгие годы творческих исканий» [7, с. 5–6].

Великая заслуга В. В. Зеньковского состоит в том, что он является первым и, пожалуй, до сих пор единственным русским мыслителем, сделавшим попытку ввести непосредственно в педагогическую теорию принцип бесконечности личности и сделать из этого выводы. И, нужно сказать, попытку недооцененную и мало востребованную. Одной из причин этой недооценки является, видимо, то, что за упомянутыми категориями конечного и бесконечного скрывается богатая и сложная предыстория европейской философской и научной мысли. И философско-антропологический и педагогический труд В. В. Зеньковского «Проблемы воспитания в свете христианской антропологии» (1934), посвященный этой теме, выступал лишь как верхушка айсберга.

В практическом плане очень важна идея В. В. Зеньковского о соотношении периодов раз-

вития личности ребенка с развитием его способности внутреннего осознания своей причастности Божественной бесконечности. Каждый период от раннего детства до юности характеризуется у него своими особенностями отношения к бесконечности. Практическая полезность этой периодизации оправдывает хотя бы краткое ее изложение.

Раннее детство (до 7 лет) характеризуется непосредственной открытостью ребенка «дыханию бесконечности». Если вспомнить способность детей в указанном возрасте к спонтанному, непредсказуемому творчеству, то это выражение не покажется риторикой. *Второе детство* (от 7 до 12–13 лет) – утрата «томления о бесконечности», возраст послушания и интенсивного овладения нравственными и социальными нормами; возраст подражания взрослым, наиболее благоприятный для традиционного воцерковления (хождение в храм, молитвы и т. п.). *Отрочество* (12–16 лет) – открытие в себе подростком внутренней бесконечности на основе пробуждения пола; возраст сопротивления социальной среде, ее нормам и стереотипам. *Юность* (после 16–16,5 лет) – возвращение детской открытости бесконечности (см. [7, с. 110–125]). Из этой периодизации возникает для педагога много будоражающих мысль проблем и вопросов. Например, приемлем ли его подробно обоснованный тезис о том, что подлинное воцерковление возможно лишь в юношеском возрасте? В таком случае, как выстраивать образовательные программы и методики по православному, например, циклу для более раннего возраста? Многие внешне интересные положения и обобщения этого теоретика христианской педагогики требуют практической апробации в условиях современного образовательного процесса.

В поисках теоретических основ православная педагогика все же не может останавливаться на идеях почти вековой давности, она должна опираться и на более современные научные разработки. Подлинным триумфом идей русских мыслителей о бесконечности как главном внутреннем стержне духовной жизни человека явилась их полная конвергенция с идеями некоторых отечественных психологов 1960–1990-х годов, работавших в совершенно ином концептуальном и социальном контексте. Они шли от логики построения теории личности как центральной темы

психологии. Первым здесь следует назвать Сергея Львовича Рубинштейна, патриарха советской материалистической психологии. К 1959 году, году его смерти, им была написана позднее опубликованная работа «Человек и мир», в которой он обосновывает необходимость перехода психологии от узких, конечных категорий субъекта и объекта, бытия и сознания к более широким и разомкнутым в бесконечность – человек и мир. Интересно отметить, что с русским философским наследием он не был знаком. Получив образование в Германии, и будучи поклонником немецкой мысли, он русскую философию сознательно игнорировал и, видимо, ощущал себя первооткрывателем. Далее следует назвать современно-отечественного философа А. С. Арсеньева. В 1960-е годы независимо от С. Л. Рубинштейна, а после знакомства с его работой став поклонником и апологетом последнего, формулирует сходные идеи, полагая, что именно на основе представления о бесконечности личности будет заново выстроена новая психология будущего (см. [1]). Его интерпретация этого представления является наиболее резкой, критической и бескомпромиссной по отношению к традиционной психологии.

Возможно поэтому научное сообщество психологов большей частью игнорирует существование автора, его публикаций и идей. Наконец, для психологов традиционной ориентации, видимо, больший интерес может представить концепция личности А. В. Петровского. Она возникла как итог многолетних исследований в рамках созданного им направления – психологии неадаптивной активности личности. Этот ученый полагает, что завершенная теория личности не может быть построена без постулирования так называемого трансфинитного «Я». Понятие заимствовано им из математической теории множеств и на русский язык может быть переведено лишь приблизительно – как «Я, стоящее над бесконечностью».

Подводя некоторый итог сказанному, отметим, что духовная культура общества, обладая имманентно-трансцендентной природой, включает в себя все религиозные, эзотерические, гуманитарные, художественные и научные практики, выводящие человека в надмирный горизонт. При таком понимании нет необходимости отлучать от духовности светские формы культуры, так же как считать благодатные проявления Духа фантазиями верующих.

Литература

1. Арсеньев А. С. Размышления о работе С. Л. Рубинштейна «Человек и мир» // *Вопр. философии.* – 1993. – № 5. – С. 130–160.
2. Бом Д. Наука и духовность: необходимость изменений в культуре // *Человек.* – 1993. – № 1. – С. 7–17.
3. Ваайман К. Духовность. Формы, принципы, подходы: пер. с нидерл.: в 2 т. – М.: Библио-богослов. ин-т св. апостола Андрея, 2009. – Т. 1. – XXVI, 590 с.
4. Вышеславцев Б. П. Этика преображенного Эроса. Проблемы Закона и Благодати // *Вышеславцев Б. П. Этика преображенного Эроса.* – М.: Республика, 1994. – С. 14–152.
5. Дивногорцева С. Ю. Духовное образование в контексте православной культурной традиции // *Духовно-нравственная культура: мат-лы первого Фестиваля духовной культуры (Москва, 2005 год).* – М.: Ин-т экспертизы образов. программ и гос.-конфессион. отношений, 2006. – С. 88–94.
6. Евдокимов П. Н. Этапы духовной жизни. От отцов-пустынников до наших дней: пер. с фр. – М.: Свято-Филаретов. Москов. высш. православно-христиан. шк., 2003. – 232 с.
7. Зеньковский В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. – М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 1993. – 224 с.
8. Золотухина-Аболина Е. В. О специфике высших духовных ценностей // *Философские науки.* – 1987. – № 4. – С. 11–18.
9. Лекторский В. А. Духовность и рациональность // *Вопр. философии.* – 1996. – № 2. – С. 31–35.
10. Миненко Г. Н. Эволюция и революция в культурно-исторической динамике человека. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. – 327 с.
11. Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней: пер. с итал. – СПб.: Петрополис, 1997. – Т. 4: От романтизма до наших дней. – 849 с.
12. Складорова Т. В. Ценности православной культуры в православном образовании // *Духовно-нравственная культура: мат-лы первого Фестиваля духовной культуры (Москва, 2005 год).* – М.: Ин-т экспертизы образов. программ и гос.-конфессион. отношений, 2006. – С. 78–87.

13. Федотова В. Г. Духовность как фактор перестройки // *Вопр. философии*. – 1987. – № 3. – С. 35–39.
14. Флиер А. Я. Культурология для культурологов: учеб. пособие для магистрантов, аспирантов и соискателей. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Согласие, 2010. – 672 с.
15. Фокин А. Р. Соотношение души и духа в греческой и латинской патристике // *Человек*. – 2009. – № 3. – С. 82–92.
16. Франк С. Л. Душа человека // Франк С. Л. Реальность и человек. – М.: Республика, 1997. – С. 3–206.
17. Шлейермахер Ф. Речи о религии. Монологи: пер. с нем. – М.; Киев: REFL-book-ИСА, 1994. – 432 с.

References

1. Arsen'ev A.S. Razmyshleniia o rabote S.L. Rubinshteina "Chelovek i mir" [Reflections on C.L. Rubinstein's "Man and the World"]. *Vopr. filosofii [Questions of Philosophy]*, 1993, no 5, pp. 130–160. (In Russ.).
2. Bom D. Nauka i dukhovnost': neobkhodimost' izmenenii v kul'ture [Science and Spirituality: the need for change in the culture]. *Chelovek [Human]*, 1993, no 1, pp. 7–17. (In Russ.).
3. Vaaiman K. Dukhovnost'. Formy, printsipy, podkhody [Spirituality. Forms, principles and approaches]. Moscow, Bibleisko-bogoslovskii institut sviatogo apostola Andreia Publ., 2009, vol. 1. XXVI, 590 p. (In Russ.).
4. Vysheslavtsev B.P. Etika preobrazhennogo Erosa. Problemy Zakona i Blagodati [Ethics transfigured Eros. Problems of Law and Grace]. *Vysheslavtsev B.P. Etika preobrazhennogo Erosa [Ethics transfigured Eros]*. Moscow. Respublika Publ., 1994, pp. 14–152. (In Russ.).
5. Divnogortseva S.Iu. Dukhovnoe obrazovanie v kontekste pravoslavnoi kul'turnoi traditsii [Theological education in the context of the Orthodox cultural tradition]. *Dukhovno-nravstvennaia kul'tura. Materialy pervogo Festivalia dukhovnoi kul'tury (Moskva, 2005 god) [Spiritual and Moral Culture. Proceedings of the first festival of spiritual culture (Moscow, 2005)]*. Moscow, Institute of expertise of educational programs and church-state relations Publ., 2006, pp. 88–94. (In Russ.).
6. Evdokimov P.N. Etapy dukhovnoi zhizni. Ot otsov-pustynnikov do nashikh dnei [Stages of the spiritual life. From the Desert Fathers to the present day]. Moscow, St. Filaret Moscow Higher Orthodox Christian School Publ., 2003, 232 p. (In Russ.).
7. Zen'kovskii V.V. Problemy vospitaniia v svete khristianskoi antropologii [Problems of education in the light of Christian anthropology]. Moscow, Brotherhood of St. Vladimir Publ., 1993, 224 p. (In Russ.).
8. Zolotukhina-Abolina E.V. O spetsifike vysshikh dukhovnykh tsennostei [On the specifics of the highest spiritual values]. *Filosofskie nauki [Philosophical Sciences]*, 1987, no 4, pp. 11–18. (In Russ.).
9. Lektorskii V.A. Dukhovnost' i ratsiona'nost' [Spirituality and rationality]. *Voprosy filosofii [Questions of Philosophy]*, 1996, no 2, pp. 31–35. (In Russ.).
10. Minenko G.N. Evoliutsiia i revoliutsiia v kul'turno-istoricheskoi dinamike cheloveka [Evolution and revolution in cultural and historical dynamics of man]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2004, 327 p. (In Russ.).
11. Reale D., Antiseri D. Zapadnaia filosofia ot istokov do nashikh dnei. T. 4. Ot romantizma do nashikh dnei [Western philosophy from the beginnings to the present day. Vol. 4. From Romanticism to the present day]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 1997, 849 p. (In Russ.).
12. Skliarova T.V. Tsennosti pravoslavnoi kul'tury v pravoslavnom obrazovanii [Values of Orthodox culture in the Orthodox education]. *Dukhovno-nravstvennaia kul'tura. Materialy pervogo Festivalia dukhovnoi kul'tury (Moskva, 2005 god) [Spiritual and Moral Culture. Proceedings of the first festival of spiritual culture (Moscow, 2005)]*. Moscow, Institute of expertise of educational programs and church-state relations Publ., 2006, pp. 78–87. (In Russ.).
13. Fedotova V.G. Dukhovnost' kak faktor perestroiki [Spirituality as a factor adjustment]. *Voprosy filosofii [Questions of Philosophy]*, 1987, no 3, pp. 35–39. (In Russ.).
14. Flier A.Ia. Kul'turologiia dlia kul'turologov. Uchebnoe posobie dlia magistrantov, aspirantov i soiskatelei [Cultural Studies for cultural studies: a textbook for undergraduates, graduate students and applicants]. Moscow, Soglasie Publ., 2010, 672 p. (In Russ.).
15. Fokin A.R. Sootnoshenie dushi i dukha v grecheskoi i latinskoi patristike [Ratio of soul and spirit in Greek and Latin patristic]. *Chelovek [Human]*. 2009, no 3, pp. 82–92. (In Russ.).
16. Frank S.L. Dusha cheloveka [Soul of man]. *Frank S. L. Real'nost' i chelovek [Frank S.L. Reality and people]*. Moscow, Respublika Publ., 1997, pp. 3–206. (In Russ.).
17. Shleiermakher F. Rechi o religii. Monologi [Speeches about religion. Monologues]. Moscow; Kiev, REFL-book-ISA Publ., 1994, 432 p. (In Russ.).